

CLAUDE NICOLET, *L'ordre équestre à l'époque Républicaine*. (312—43 av. J. C.), P., 1956, 753 стр.

Римскими всадниками занимаются вот уже триста лет, причем число исследований растет далеко не пропорционально увеличению материала наших источников¹. Прежде и ныне история всадников изучается преимущественно на материалах литературной традиции. Имеется немало надписей, посвященных всадникам, но лишь три из них относятся к республиканскому времени. Для изучения всадников могут быть использованы также несколько законов и постановлений, дошедших до нас в виде фрагментов надписей². Археологические раскопки меньше всего дали исследователям *ordo equester*. Единственным вкладом археологии в эту проблему являются остатки всаднического вооружения древнейшей эпохи и соответствующая им иконография³.

Постоянное внимание к всадникам, видимому, объясняется не только пониманием значительности той роли, которую они играли в судьбах римского государства, но и невозможностью на основании имеющихся в нашем распоряжении данных прийти к устраиваемому всех однозначному решению вопросов об образовании *ordo equester*, его составе, политической эволюции. Это и объясняет потребность вновь и вновь исследовать историю всаднического сословия.

Обращаясь к рецензируемой работе, мы должны прежде всего отметить, что это самое полное и обстоятельное исследование юридических, социально-экономических, политических и идеологических аспектов истории всаднического сословия в республиканскую эпоху. Автор ограничивает хронологические рамки работы 312—43 гг. до н. э., но мы можем найти в ней также экскурсы в более раннюю и позднейшую эпоху.

Первая, охватывающая семь глав часть исследования посвящена определению всаднического сословия, деталям набора

ра центурий *equitum Romanorum equo publico* и роли последних как участников народных собраний. Выбор начальной даты исследования — 312 г. до н. э. — объясняется тем, что именно к этому времени автор относит возникновение той системы организации гражданства по центуриям, которую традиция приписывает царю Сервию Туллию. Проанализировав данные Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона, Плиния о центуриатной организации, Николет приходит к выводу, что такая организация не могла функционировать ранее 312 г. до н. э., так как прежде не существовало исчисления имущества в денежных единицах и имущественная дифференциация общества не достигла значительного развития (стр. 18 сл.). Вместе с так называемой сервианской центуриатной организацией возникает и всадничество в виде 18 центурий *equites equo publico*, обладавших особыми почетными правами и функциями в народном собрании.

Николет подвергает обстоятельной, аргументированной критике принятую большинством современных исследователей теорию Эмиля Бело, автора первой обобщающей работы по истории всаднического сословия⁴. Бело и его последователи полагают, что в республиканскую эпоху существовало две категории римских всадников: *equites equo publico* и *equites equo privato*. К последним принято относить всех лиц, имевших всаднический ценз.

Шаг за шагом Николет разбивает взгляд на существование *equites equo privato*. Он, прежде всего, показывает, что ни в одном античном тексте, литературном, юридическом, эпиграфическом, нет подобного термина, что он принадлежит к числу мифов современной историографии⁵.

Согласно Николет, всадником в республиканскую эпоху назывался лишь тот, кто числился в официальном списке всадников. Обладание всадническим цензом

¹ В библиографическом указателе рецензируемой работы — 279 книг и статей. Автору остались неизвестны работы о всадниках, вышедшие в России и славянских странах.

² К известной с XVI в. *Lex repetundarum* в конце 40-х гг. нашего века присоединилась *Tabula Hebana*, касающаяся организации центурий всадников и декурий судей в эпоху Августа. Эта надпись также важна и для изучения организации *ordo equester* в республиканскую эпоху.

³ Археологические данные о римских всадниках царской и раннереспубликанской эпох использованы в труде А. А. I f ß l d i, *Der frühromische Reiteradel und seine Ehrenabzeichen*, В., 1952.

⁴ E. B e l o t, *Histoire des chevaliers romains*, vol. I et II, P., 1867—1873. Взгляды Э. Бело развивает в своих многочисленных работах английский исследователь Хилл (H. H i l l, *Livy's account of the Equites*, «Cl. Phil.», 1930, стр. 244—248; о н ж е, *Equites and Celeres*, «Cl. Phil.», 1938, стр. 263—290; о н ж е, *The Roman Middle Class in the Republican period*, Oxf., 1952.

⁵ Термин *equites equo privato* извлечен Э. Бело из изложения событий 209 г. до н. э. у Тита Ливия, но здесь речь идет об исключительном событии и особых обстоятельствах.

было обязательным условием, учитывавшимся при составлении списка, но гражданин, обладавший таким цензом, не становился механически римским всадником. От претендента требовалось также происхождение от свободных родителей. В республиканскую эпоху всадником не мог стать сын вольноотпущенника⁶. Число всадников было строго ограничено и в эпоху Республики никогда не превышало 5 тыс. человек. Об этом свидетельствует не только предоставление всадникам первых 14 рядов в театре (они могли вместить сравнительно небольшую группу людей), но и цифры жертв всадников во время проскрипций конца Республики. Автор трактует *ordo equester* как постоянную организацию, игравшую особую роль во время выборов. Николе четко различает *equites equo publico* и легионных всадников, рекрутировавшихся во время каждого набора.

Вторая часть монографии посвящена титулатуре римских всадников и их просопографии. В ряде глав автор последовательно выявляет смысл, вкладываемый античными авторами в понятие *ordo equester*, и показывает, что все авторы от Юния Гракхана до Цицерона и Цезаря знали только *equites equo publico*, и это понятие равнозначно с *ordo equester* и *equites centuriarum equitum Romanorum*. Исследуя термин *ordo*, автор отмечает, что его употребление было в достаточной мере широким и расплывчатым. В применении к судьям, публиканам, писцам, земледельцам — это группа, объединявшая лиц одной профессии или социального положения. В применении к всадникам и сенаторам (*ordo equester, ordo senatorius*) *ordo* объединяло лиц, имевших официальное положение, определенные установленные государством почетные права. Николе решительно выступает против практикуемого историками, экономистами, социологами отождествления *ordo equester* с «буржуазией» или «средним классом»⁷.

В отличие от других обществ, имевших классовую или кастовую структуру, римская титулатура, согласно Николе, имела юридический, но не экономический характер (стр. 175). В связи с этим автор исследует также выражения, употребившиеся для обозначения особого всад-

нического престижа — *splendidus, illustris, bonus, honestus* (стр. 213 сл.).

Главным и, надо сказать, наиболее плодотворным методом автора при изучении *ordo equester* является просопография. Задолго до Николе делались попытки просопографических исследований данных о римских всадниках, но исследование не было систематичным и зачастую основывалось на ложных принципах. Уже Бело отыскал в произведениях античных авторов 80 имен всаднических семей, причем в согласии со своим делением на *equites equo publico* и *equites equo privato*, к всадникам он причислил и лиц, которые упоминаются как *foeneratores, publicani, negotiatores*. А. Штейн, один из основателей научного просопографического направления, приложил его методы к изучению данных о всадниках императорской эпохи⁸. Что касается всадников республиканского времени, то до появления рецензируемого труда мы не обладали точными и исчерпывающими данными о них.

Тщательно просмотрев всю литературу, Николе нашел имена 370 всадников республиканской эпохи. 253 упоминания принадлежат Цицерону⁹. Собранный и систематизированный автором материал имеет для науки неоценимое значение, в какой-то мере компенсируя отсутствие статистических данных. Просопография подтвердила основанный на анализе литературных текстов вывод автора об ошибочности отождествления всадников с публиканами и ростовщиками¹⁰. Среди 370 всадников, 50, т. е. свыше 12%, были собственниками земли. Николе не без основания считает, что многие из всадников, известных нам как публиканы или дельцы, обладали также и землями. Автор обращает внимание на участие всадников в основании колоний и на развитие всаднического землевладения в провинциях. Жестокие методы эксплуатации рабского труда римскими всадниками не раз приводили к рабским восстаниям (стр. 285 сл.).

Наличие в составе *ordo equester* зем-

⁸ A. Stein, *Der römische Ritterstand*, Münch., 1927.

⁹ Остальные упоминания о всадниках распределяются по авторам так: Цезарь — 26, Светоний — 8, Плутарх и Плиний Старший — по 7, Веллей Патеркул — 6, Валерий Максим и Варрон — по 5, Тит Ливий — 4, Саллюстий, Дион Кассий, Тацит, Диодор Сицилийский — по 3.

¹⁰ Это отождествление стало общим местом и в нашей литературе. В «Исторической энциклопедии» мы читаем, что всадники составляли «особую прослойку римских рабовладельцев, материальной базой которых было владение крупными денежными средствами и движимым имуществом» (т. III, стб. 776).

⁶ Единственное исключение из этого правила — поэт Гораций, ставший всадником, несмотря на то, что отец его был вольноотпущенником. Но Гораций жил в ту эпоху, когда безбрачие не мешало получить почетное звание «отца троих сыновей».

⁷ Автор не выявляет причин подобной модернизации в буржуазной науке. Лишь в одном случае (стр. 6) он говорит об особой симпатии к всадникам Э. Бело, который видел в них носителей буржуазных свобод.

левладельцев, публиканов, дельцов, людей свободных профессий не позволяет говорить об единой политике всадничества. Но отдельные группы всадников, особенно публиканы и дельцы, оказывали сильное влияние на политику римского государства. Автор специально занимается изучением этого вопроса (стр. 317 сл. и стр. 381 сл.).

Обращение к источникам позволило автору открыть новые пути в исследовании такого вопроса, как превращение всадничества в служилое сословие. Этот вопрос уже считался решенным. Из одной монографии в другую, из учебника в учебник переходило утверждение, что Август впервые использовал финансовый опыт римских всадников, назначая их прокураторами и префектами. Просопографическое исследование К. Николе показало, что немалое число всадников было прокураторами и префектами уже в республиканскую эпоху (стр. 283 сл.). К достоинствам труда К. Николе следует отнести четкое понимание автором границ и возможностей просопографического метода. 370 всадников, чьи имена извлечены из источников, составляют менее 4% общего их числа в последнее столетие Республики¹¹. Автор не исключает того, что часть лиц, известных нам из эпиграфических источников и трудов античных писателей, была всадниками, хотя мы и не располагаем указаниями об их принадлежности к *ordo equester*. Но при характеристике социальной градации и изменений в социальном составе всадничества (*mobilité sociale*) исследователь может опираться на данные о 4% всадников и это, как полагает автор, дает возможность составить общее представление о социальных процессах. Наряду с уже упоминавшимися особенностями социальной и политической жизни всадников просопографические данные позволяют автору отметить (что особенно важно) увеличение численности и повышение роли муниципального всадничества, которое было политической опорой Юлия Цезаря.

Третья часть монографии, состоящая из четырех глав, посвящена участию всадников в уголовном суде. Автор детально исследует все судебные законы, начиная с *Lex Sempronia Iudiciaria*, впервые введенного всадников в судебные комиссии и доставившего им важнейшие преимущества. Автор занимается малоизученным вопросом о греческих прототипах римских судебных законов и находит эти прототипы в конституции Родоса.

¹¹ Число всадников в 130 г. до н. э. автор определяет в 2400 человек, между 90 и 70 гг. до н. э. — в 5000 человек; таким же было их количество ко времени Августа (стр. 457).

Особый интерес представляет исследование К. Николе одного из первоначальных эпиграфических памятников *Lex repetundarum*, известного также под именем *Tabula Bembina*. Среди имеющихся в распоряжении науки девяти фрагментов закона о вымогательстве нет вступительной части, обычно содержащей имя автора закона. По упоминаниям в тексте сохранившихся фрагментов трех предшествующих законов (*lex Junia*, *lex Calpurnia*, *lex Rubria*) ясно, что речь идет о законе, принятом в конце II в. до н. э. Но о каком? *Lex Acilia*? *Lex Servilia*? *Lex Sempronia*?

В прошлом веке с легкой руки Т. Моммзена господствовало мнение, что *Tabula Bembina* представляет собой запись закона Ацилия о вымогательстве. После исследований П. Фраккаро и Дж. Тибилети считается наиболее вероятным, что в надписи представлен судебный закон Грая Гракха¹². Немаловажным для этой гипотезы оказалось то обстоятельство, что кардинал Бемба нашел обломки бронзовой доски в Fossembronne (очевидно, древнее название *Forum Sempronii*), на месте одной из основанной Граем Гракхом колонии римских граждан. К. Николе принимает точку зрения Фраккаро и Тибилети об авторстве закона и приводит ряд аргументов в ее пользу.

Автор предлагает новые конъектуры для заполнения лакун в параграфе, определяющем, из какой категории лиц должны выбираться судьи для процесса о вымогательстве. Одна из конъектур представляется нам убедительной. Вместо предлагавшегося Моммзеном *merc[e]de conductus depugnavit depugnaverit* и Каркопино *merc[at]uram vel argentariam exercet exercuitve lege Rubria Acilia* К. Николе предлагает *merc[e]de aliqua vel pretio corruptus siet*. Идея гладиаторских боев, из которой исходит Моммзен, неприменима к памятнику II в. до н. э., для которого не известны случаи сражения свободных людей в качестве гладиаторов. Гипотеза Каркопино может быть отвергнута потому, что термин *mercator* обозначал слишком низкую социальную категорию, чтобы ею мог заниматься законодатель. Что касается заполнения лакуны после слов *in hac seivit*, то предложение автора — *in hac seivit[at]e equum publicum habebit habuerit quoique sestercium...x... milium summum census siet* — кажется нам неубедительным. Мы продолжаем считать, что в не дошедшей до нас части параграфа речь шла о широкой юридической кате-

¹² P. F r a c c a r o, *Sulle Leges Iudiciariae romanae*, «Rend. Istituto Lombardo di Science e Lettere», 1919, стр. 335—370; G. T i b i l e t t i, «Le leggi de iudiciis repetundarum» fino alla Guerra Sociale, «Atheneacum», 1953, стр. 5—100.

гории, куда входили как сенаторы, так и всадники¹³.

Специальная глава посвящена Сервилиевым судебным законам, т. е. законам Сервилия Цептона и Сервилия Главции, о содержании и датировке которых ведутся споры с давних времен. Бесспорным является лишь антисадническая направленность закона Сервилия Цептона и защита интересов всадников в законе Сервилия Главции.

Четвертая часть монографии охватывает малоизученные аспекты идеологической истории *ordo equester*. Исследуя, произведение Цицерона и Тита Ливия, автор разбирает содержание понятий *concordia ordinum*, *concordia*, *homonia*. Особая глава посвящена роли Цицерона в идеологическом оформлении требований всадников.

Основной тезис автора о том, что под *ordo equester* в республиканскую эпоху следует понимать лишь всадников 18 центурий, представляется нам достаточно обоснованным. Принятие его явится еще одним ударом по модернизации, которая пытается укрепить свои позиции, оперируя материалом истории *ordo equester*. В то же самое время ряд высказанных Николе положений кажутся нам недостаточно обоснованными. Соглашаясь с доводами автора, отвергающего возможность датировки так называемой сервианской конституции VI веком до н. э., мы полагаем, что ее следует относить не к концу IV в. до н. э., но к середине V в. до н. э.¹⁴. При решении этого

¹³ Наша конъектура: *in hac civitate classis primaе sient* — см. статью «К вопросу о составе судебных комиссий по закону Ацилия о вымогательстве» (ВДИ, 1952, № 2, стр. 222 сл.).

¹⁴ См. подробнее нашу работу «К вопросу о времени и значении центуриатной реформы Сервия Туллия» (ВДИ, 1959, № 2, стр. 153 сл.).

вопроса автор упустил важные факты из области военной истории, исключая принятую им слишком позднюю дату.

Идеологический аспект истории *ordo equester* мог быть углублен, если бы автор рассмотрел данные о римской религии, в частности сведения о культе божества *Concordia*. Нельзя считать случайным сооружение храмов Конкордии в годы возобновления союза между всадниками и сенаторами, союза, направленного своим острием против плебеев и аграрных движений.

Необоснованно, на наш взгляд, выбрана конечная дата для предпринятых автором изысканий — 43 г. до н. э., год смерти Цицерона. Более целесообразно было бы довести такое исследование до времени Августа. Эпоха гражданских войн, последовавших за смертью Цезаря, оставила глубокий след. Происходит окончательная деградация римских всадников в политическом отношении.

Принятая автором форма изложения по отдельным проблемам истории *ordo equester* наряду с преимуществами имеет и недостатки. Отказ от хронологического принципа изложения привел к тому, что ряд второстепенных для установленной автором проблематики истории всаднического сословия вопросов выпал из поля зрения исследователя. В работе нет, например, оценок позиции отдельных групп римских всадников в событиях Югуртинской и Союзнической войн и т. д.

Правильная постановка вопроса о составе всаднического сословия должна углубить наши представления о характере социальной борьбы в эпоху кризиса и падения Республики, а не привести, как это можно видеть в трудах некоторых представителей просопографического направления, к смазыванию классовых противоречий в римском обществе.

А. И. Немировский

K. D. WHITE, Agricultural Implements of the Roman World, Cambr., 1907, XVI+232 стр., 119 рис., 16 табл.

Все, кто занимался сельским хозяйством древней Италии и потому постоянно имел дело с латинской агрономической литературой, знают, что описание рала и плуга у Вергилия представляет собой набор загадок, а серпы, упомянутые Колумеллой, до сих пор — предмет споров и предположений. Слова, какими в переводах и словарях передают латинские названия сельскохозяйственных орудий, сплошь и рядом только заслон, за

которым прячется голое невежество. Сделать эти слова обозначениями конкретных предметов, объяснить, для какой работы эти предметы употреблялись и каким образом ими пользовались, составить толковый инвентарь итальянского сельскохозяйственного оборудования — такую задачу поставил себе К. Д. Уайт и выполнил ее с мастерством редким. Появление его книги обрадует всех, кто интересуется сельским хозяйством древ-